

Козарин

У Петра, Петра-купца боґатого
Родилса сын Михайлушко.
На ту пору-время подоспели злы́ люди —
Отлущили Михайлушка от батюшка
И отлущили Михайлушка от матушки.
Снёс батюшко Михайлушка ко бабушке ко задворенке.
Кормила бабушка кусоцками прошоными,
Поила молоцком козлиным.
Рос Михайлушко не по годам, а по часам,
И вырос Михайлушко до возрасту.
Стал ходить Михайлушко на улочку
И стал шутить шутоцки великия:
Кого хватит — у того рука прочь!
Стали люди шибко обижаться-жаловаться,
Што нельзя его спускать на улочку:
Росходилосе у его силушка до боґатырская...
Он пошел ко батюшку:
«Ой еси батюшко, Пётр-купец боґатой!
Дай мне да коня доброґо, самолучшоґо —
Со семи цепей, со двенадцати дверей:
Я поеду да во чисто́ полё!»
Батюшко на Михайлушку очьми не звёл.
Пошел Михайлушко да на конюшен двор,
Он взял коня, да коня доброґо,
Коня доброґо, да самолучшего.
Он надел уздицку тесмянную,
Он седёлышко черкаськое,
Он взял тугой луцок да во запазушьё.
Не видали у Михайлушка посядоцки —
Только видели: у Михайлушка во цистом поли́ курева́ стоит.
Он ехал с утра день до вецера —
Некоґо он да не выдывал,
Некоґо он да не встрэцивал.
Только видит: на дубу́ сидит черной ворон.
Он выма́т да калену́ стрелу,

Туго́й луцок да из запазушья:
Он хоцет пострелить да цёрна́ вóрона.
Цёрной ворон ему да спрoгóворил:
«Ой Михайлушко, да сын купца Петра бо́гатого!
Ты моёй крові да не будешь пить,
Моегó мяса не будешь есь!
Поеждяй во чистó полё —
Там есь да ведь жідовья:
Увезли сына любимого у батюшка!»
Поехал Михайлушко во чистó поле.
Он перво́го копьём убил,
Второго он конём стоптал —
Взял он брата Иванушка,
Приехал к отцу, к матери.
Батюшко на Михайлушку очьми не звел —
У его кровь да раскипелoся,
Ретиво серцё да розгорелось,
Он поехал да во цистó полё.
Ехал с утра день до вецера —
Никого да он не встречивал,
Никого да он не видывал.
Только видит на дубу да цёрна ворона.
Он опять хотел пострелить да цёрна ворона.
«Ой ты Михайлушко! Моей крови не будешь пить,
Моего мяса не будешь есь!
Поеждяй да во цистó полё —
Там есь белóй шатёр,
Там есь да три жідовья:
Увезли они у купца Петра бо́гатого
Любимую доць Марьюшку.
Они дел делят да вопоцёв сулят!»
Он поехал да во цистó полё,
Он приехал да ко белú шатру.
Во белóм шатрi жідовья дел делят.
Первый жiдовой говорит: «Ох, Марьюшка!
Как ты мне да ведь достанешься —
Я замúж возьму!»
Второй жiдовой гóворит...
(Забыла!..)

Третий жидовой проговорил:
75«Как ты мне-ка ведь достанешься —
Я на Русь пушú!»
У его кровь да раскипелосе,
Ретивó серцё да розгорелосе:
«Уж вы жидовья поганыи!
Выходите во цистó полё
Со мной вы да побрátаться!»
Он первого-то конём стоптал,
Второго он копьём колол,
А третьёго он живóго спустил —
За то спустил, што хорошо словó сказал.
И взял он Мáрьюшку:
«Поедем, Машенька, со мной да ко батюшку твоему!»
Он сел да на добра коня,
Посадил ей да позади себя.
Они ехали да мимо Божьей церкви.
Она ему да спроговорила:
«Ох ты ой еси, да добрый мóлодец!
Пойдём да во Божью церкву — повенцаемся!»
Он ей да ведь спроговорила:
«Уж ты ой еси, сестра Марьюшка!
Брату с сестрою не подобает жить —
Я свезу тебя ко батюшку!»
Приехали да к широку двору,
Ко красну крыльцу.
Выходит батюшко да на краснó крыльцó:
«Уж ты ой еси, да доць Марьюшка!
Приходи хлеба-соли кушати,
Пиво-вары рушити!»
На Михайлушка очьми не звёл!
У его кровь да раскипелосе,
Ретиво серцё да розгорелосе,
Он снимāt у батюшка полатоцки по окошецкам.
Они да испугалися —
Приглашают хлеба-соли кушати.
«С>задí хомúт да не накладывают,
А после дела не приглашают!»
И не видали Михайлушка поездоцки —

Только видели: во цистом поли курева́ стоит.

(Зап. А. М. Астаховой 11 июля 1928 г.: д. Березник Лешуконского р-на — от Грибановой Онисьи Ларионовны, 67 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.